

Сквозняк, гулявший по больничному коридору, шевелил тёмные, чуть отросшие волосы Бай Хэби. Мешковатая белая рубашка лишь подчёркивала его болезненную, почти изнурённую худобу.

Спрятав экземпляр соглашения о разводе, он неспешно прошёл по переходу, связывающему главный корпус со стационаром, и поднялся на нужный этаж.

В галерее было пусто. В звенящей тишине отчётливо раздавалось лишь сухое цоканье его собственных шагов.

Бай Хэби скользнул скучающим взглядом по пейзажу за окном. Солнце заглаживало следы вчерашнего дождя, заставляя капли на вьющихся растениях переливаться на свету. Внизу суетились люди — кто-то с надеждой, кто-то с застывшим горем на лице. Больницы он не любил: здесь всё слишком давило торжественной мрачностью и запредельной концентрацией человеческих страданий. Но вместе с тем эта обитель боли сохраняла холодное, почти бесстрастное спокойствие, словно наблюдая, как миллионы судеб и пылающих страстей растворяются в небытии, подхваченные бесшумным бегом времени.

Четыре года. Срок, который можно растянуть на вечность или сжать до одного мгновения.

Ему исполнилось двадцать восемь.

Вспоминая всё сейчас, Хэби понимал: измена Сы Циншуня не была внезапным громом среди ясного неба. Признаки проступали давно, просто он упорно закрывал на них глаза.

Когда всплыла правда, он провёл собственное расследование. В тот день, к которому относилась запись, пьяный Циншунь переспал с юношей-официантом из бара — тем самым мальчишкой, слегка похожим на него самого, которого Хэби позже застал в отеле.

Увидев записи с камер наблюдения, Хэби долго не мог прийти в себя — его буквально выворачивало наизнанку от омерзения.

Чем тот юнец пленил Циншуня? Едва уловимым внешним сходством? Или беспрекословной покорностью? В любом случае, Бай Хэби ни за что не стал бы вести себя так.

Впрочем, теперь это не имело никакого значения.

За эти два месяца он трезво и хладнокровно взвесил всё, пытался понять, как они дошли до жизни такой. И вывел горькую истину: семена этой трагедии проросли из разницы в их взглядах на жизнь. Они лишь ждали своего часа, пока обиды и недомолвки накопились через край. А потом достаточно было лёгкого дуновения — и злополучный росток превратился в исполинское дерево, заслонившее собой весь свет.

Жаль. Но Хэби не жалел, что любил Сы Циншуня. Как не жалел и о решении обрубить эту связь раз и навсегда.

Убедившись, что способен сохранять безупречное спокойствие перед мужчиной, который пока ещё оставался его мужем — а точнее, вот-вот должен был стать бывшим, — Бай Хэби решительно толкнул дверь.

Сы Циншунь сидел на койке в больничной пижаме, поджав ноги под серое казённое одеяло.

Осунувшийся, с тёмными кругами под глазами и непробритой щетиной, он полностью утратил былые лоск и статность. Сейчас он напоминал выброшенного на улицу паршивого пса.

«И как я мог считать его особенным? — мельком подумал Хэби, сразу отведя взгляд. — Обычный мужчина, ничем не лучше других».

При виде вошедшего глаза Циншуня вспыхнули. Он подался вперёд, пытаясь сбросить одеяло и броситься к нему с объятиями.

Разгадав этот порыв, Хэби сделал шаг назад.

— Не подходи. Сиди где сидишь, — его голос прозвучал сухо и отстранённо. — Заставишь подойти — меня просто стошнит.

Циншунь замер. Лицо его посерело. Он судорожно дёрнул губами, словно хотел что-то возразить, но лишь бессильно опустил обратно на подушки.

— Не дёргайся и молчи. Лучше посмотри на это.

Хэби бросил на кровать распечатанные бумаги.

Циншунь подхватил листы, и первый же взгляд на заголовок заставил его обомлеть: «Соглашение о расторжении брака». Внизу размашисто чернела роспись Бай Хэби.

Кровь бросилась Циншуню в лицо, глаза налились краснотой.

— Какой ещё развод?! — рябкнул он. — Я ничего не подпишу!

— Мы в больнице, — Хэби посмотрел на него без тени эмоций. — Соблюдай тишину.

Но замечание лишь подлило масла в огонь. Циншунь в ярости грохнул кулаками по матрасу:

— Мне плевать! Не подпишу, и что ты мне сделаешь?!

— Ты подпишешь его сегодня. Хочешь ты того или нет, — ответил Хэби со спокойствием, которого сам от себя не ожидал.

— Да в чём моя вина?! — Циншунь был на грани безумия.

Хэби молча достал телефон, открыл галерею с тошнотворными снимками и повернул экран к нему.

Удивительное дело: кадры, от которых два месяца назад у него рушился мир перед глазами, больше не вызывали никакой бури. Чувства к Сы Циншуню выгорали, оставляя лишь пепел. Эти два месяца дали Хэби не только время трезво оценить ситуацию, но и взять себя в руки. И это явно шло ему на пользу.

Брезгливо вытерев палец, касавшийся экрана, о штанину, Хэби наблюдал за реакцией мужа.

Циншунь застыл, не в силах оторвать взгляда от фотографий. Кадры с камер — от момента встречи с официантом до совместных визитов в отель — фиксировали каждую постыдную деталь.

Это стало последним ударом, раздавившим Сы Циншуня.

Он запустил пальцы в растрёпанные волосы и глухо застонал, зажмурившись, словно пытался сбежать от собственного мерзкого отражения.

— Я же говорил, это вышло случайно! Я был пьян, в стельку пьян! Я не понял, кто тащит меня в номер... Он сам ко мне пристал, а я думал... думал, это ты...

Хэби смотрел на эту истерику с ледяным равнодушием. Он не стал выкладывать все улики и детали расследования — перед ним разыгрывался дешёвый фарс.

— Кончай этот цирк. Ты выглядишь жалко.

Его холод сбил с Циншуня спесь. Почувствовав вину и беспомощность, тот заговорил тише, сбиваясь:

— Я... я ведь уже вышвырнул его из бара! Запретил ему там появляться... Я же просил у тебя прощения...

При воспоминании о том, как Циншунь кувыркался с каким-то мальчиком по вызову, о его пренебрежительном тоне на аудиозаписи, о четырёх месяцах обмана и стопке видеозаписей, Хэби снова почувствовал подступающую к горлу тошноту.

Сглотнув подступившую желчь, он чеканил каждое слово:

— И что с того? Какая мне разница до твоих запоздалых извинений? Ты можешь просить прощения хоть тысячу раз — я на тебя даже не взгляну. Всё кончено.

— Нет! Ничего не кончено! Как ты можешь перечеркнуть всё, что между нами было?! — Циншунь затрясся всем телом, сдёрнул одеяло и слез с кровати.

Отчаянно пытаясь вернуть Хэби, он не придумал ничего лучше, как с глухим стуком упасть перед ним на колени.

Холодный кафель обжёг ноги, но Циншуню было всё равно.

Он снизу вверх моляще посмотрел на Хэби, в глазах блеснули слёзы:

— Ты же сам говорил... говорил, что мы объездим весь мир! Что ты сделаешь сотни моих снимков, будешь готовить для меня... Ты что, всё забыл?!

Хэби смотрел на него без единого всплеска эмоций, словно перед ним кривлялся бездарный актёр.

— Тогда забудь мои слова. Ничего этого не будет. Не упивайся иллюзиями, — Хэби сделал полшага назад, уходя от направления его поклона. — Возможно, когда-нибудь я отправлюсь в путешествие с другим человеком. Буду фотографировать его, готовить для него... Но этим человеком никогда не будешь ты.

— А как же три года нашего брака?! Это что, шутка для тебя?! Ты просто возьмёшь и выбросишь меня?! — Циншунь срывал голос, бился как запертый в клетке зверь. — Ты хоть когда-нибудь любил меня?! Я каждую ночь ломаю голову... любил ли ты меня вообще?! Ты хоть представляешь, каково это — лежать рядом с тобой и трястись от страха, сходить с ума от каждого твоего жеста? Правду про меня говорят: я просто дворовый пёс, которого ты подобрал и держишь на поводке!

— А ты хоть раз пробовал спросить меня напрямую? — тихо произнёс Хэби.

Циншунь осёкся.

За все эти годы он действительно ни разу не решился задать этот вопрос вслух.

— Признаю, моя вина тут тоже есть, — Хэби чуть наклонил голову, встретившись с ним взглядом. — Я не замечал твоей тревоги. На работе хватало забот, и я думал, тебе просто неуютно. Я старался доказать всё поступками, не подозревая, что тебе нужны банальные признания. Извини, что не считался с твоими чувствами. Но ты молчал. А я не умею читать мысли... Наверное, мы просто не подходили друг другу.

— Если бы ты спросил меня раньше, любил ли я тебя, — продолжал Хэби ровным голосом, — я бы, не колеблясь, ответил: «Да. Люблю».

Он горько усмехнулся, явно над самим собой:

— Но это касалось того Хэби, который жил два месяца назад и ничего не знал об этой грязи. А если ты спросишь меня сейчас, я отвечу лишь одно:

— Я тебя любил. В прошедшем времени.

Слыша эти слова, Циншунь в безумии попытался подняться, чтобы сжать Хэби в объятиях, прижать к себе своего бывшего возлюбленного, но ноги подкосились, и он с маху рухнул на больничный пол.

— Нет... нет, это неправда...

Свернувшись на ледяной плитке, он беспомощно вцепился в края брюк Хэби, уставившись на его бледную лодыжку — словно этот отчаянный жест мог удержать ускользающее прошлое.

Хэби стоял рядом. Он не стал отталкивать его ногой, но и помогать подняться не собирался.

— Раньше, возможно, у нас ещё оставался шанс всё исправить. Как во время наших прошлых ссор.

Он опустил взгляд на судорожные пальцы мужа:

—... Но измена — это черта, через которую переступить нельзя.

Хэби медленно присел на корточки, сохраняя всё то же отстранённое выражение лица. Помедлив, он коснулся сухих, посечённых волос Циншуня — ласково, как делают влюблённые.

Циншунь невольно прижался головой к его ладони. Кончики пальцев Хэби были холодными.

И когда Хэби заговорил снова, его голос прозвучал холоднее вечной мерзлоты — подобно ядовитой розе с острыми шипами:

— И не забывай... мы ведь с самого начала были всего лишь любовниками по договору, верно?

Циншунь с дикой болью поднял голову, ошалело глядя на знакомый и одновременно чужой силуэт. В памяти всплыло брачное соглашение, подписанное много лет назад.

Все эти годы Хэби ни разу о нём не вспоминал. Циншунь и думать забыл про ту бумажку.

— А значит, — беспощадно подвёл итог Бай Хэби, — по договору мы и должны разойтись.

<http://bllate.org/book/20379/2130657>